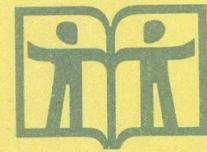

8Ю
Δ38

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЮНЕСКО
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ГОД КНИГИ

Рисунки Т. Мавриной,
выполненные во время работы над «Лукоморьем».

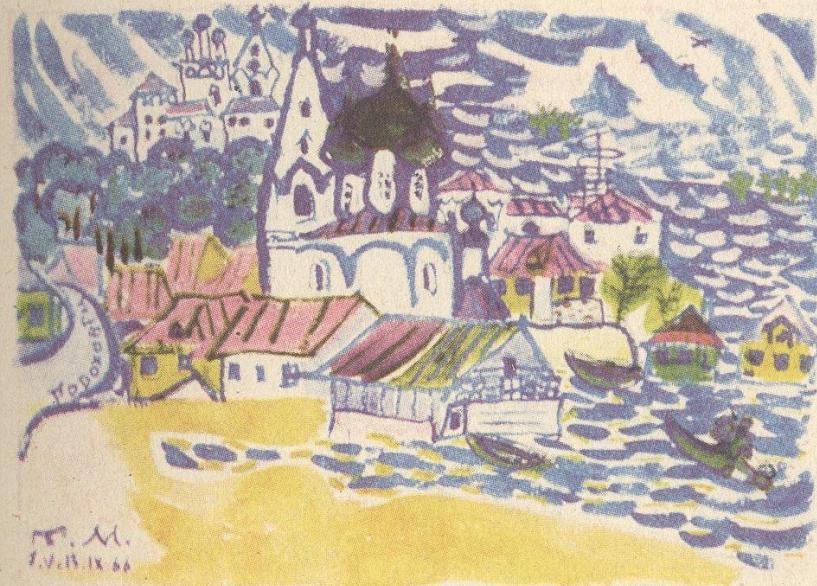
Статьей Татьяны Алексеевны Мавриной «Лукоморье» мы начинаем систематическую публикацию материалов ведущих художников детской книги о мастерстве иллюстраторов. Мы будем печатать работы, в которых художники введут нас в мир своих поисков, профессиональных секретов, раскроют то, что называется «лабораторией творчества». Надеемся, что это поможет нашим читателям глубже изучить работу художника над книгой.

Татьяна МАВРИНА

„Лукоморье“

Не вспомнишь, когда выучила наизусть этот пролог к «Руслану», кажется, с ним и родилась. Сначала был Пушкин, потом уже сказки. Леший в лесу — по Пушкину, Русалка над водой — по Пушкину. Баба-Яга — тоже по Пушкину. И конец: «И там я был, и мед я пил» — конечно, придумал первый Пушкин, а потом взяли в сказки эти интересные слова.

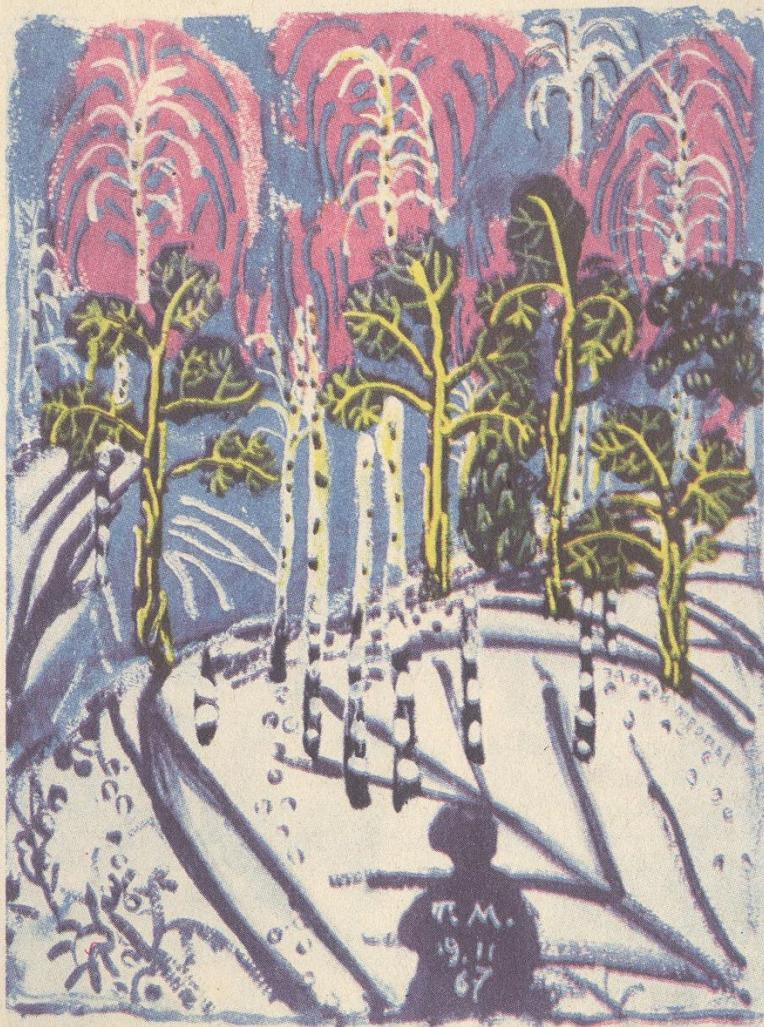
В «Мертвой царевне» у него еще лучше:
Я там был, мед-пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

Какие усы он обмочил, когда у него усов нет? И что это за мед, который не едят, а пьют? Где это «там»? И что такое «Русский дух»? Почему царевна тужит, а Кащей чахнет? Зачем королевич пленил грозного царя? Какие такие чудеса? Какой леший? И хорошо бы побывать там. Столько детских вопросов, на которые я постаралась ответить под конец своей жизни, делая книжку «Лукоморье».

Рисовать эти темы я начала вскоре же после войны, а закончила в 1968 году, да и все ли еще закончила — не знаю. Пришлось поворошить свою память, и то, что еще глубже, — под памятью. Проверять все не раз по книжкам, переписываться, советоваться с пушкинистами, рискуя превратиться в «ученую женщину». Стихи меня надолго заколдовали. Они как заклинание. Заклинанием и должен быть пролог-присказка. Настойчиво сжатым, много в себе вмещающим, — сказочный мир и «Русский дух».

Все время идут повторения: «там чудеса...», «там леший...», «там на неведомых дорожках...», «там королевич мимоходом...», «там ступа с Бабою Ягой...» — все построено на этом утверждающем «там» неведомой географии. Повторением лучше достигнуть желаемое. Может, поэт применил в «прологе» такой колдовской прием, желая нас поскорее переселить в сказочный мир. И второй век по его воле мы с детских лет, с самого первого же слова этого стихотворения-заговора «У лукоморья» и последующих «там, там, там», и ходящим вправо, влево котом, — завораживаемся; и все лешие, русалки, боятари приобретают таинственную реальность — где-то «там», и это «там» как бы в нас самих или рядом. Но художнику мало завораживаться словами, надо еще нарисовать все, что нашептал поэту «кот ученый».

(сейчас — его муга). И если в словах такие чудеса — то какие же должны быть иллюстрации? Надо пожить и подумать, поездить, порыться в своих записках, зарисовках, поискать это «там», вернуться в свое детство.

В 1941 г. 17 сентября на полях запись: «Ходили к Овешкову. Иван Иванович — бородатый, староманерный старикик, «рукомесленный» загорский художник... Это он показал мне деревенское чудо — городецкую живопись из Заволжья...» Можно поискать в Заволжье пушкинские образы? — Можно.

* * *

Вот попалось про Гороховец за «Золотыми воротами». Место еще незнаемое (1966 г. 6. V). «...Приехали ночью, в темноте обещающие выплывали кубы соборов. В 4 часа уже светло. Мы вышли из своего номера.— Чего не спите, еще рано! — ворчали дядьки на диванах в коридоре. Голова звенит, и вода звенит, ноги бегут по излучине реки, будто и не весим совсем. Выбеляются из розового воздуха белые церкви, о которых так вдохновенно писал Грабарь. Никого нет. К реке вышел кот, потом толстяк в военной шинели, надетой на белье. Пшел, видно, умываться к Клязьме. Затопленные деревья, воды много, она змеится голубым и розовым. К шести часам розовое гаснет и наступает обыкновенное утро в необыкновенном городке... у «Лукоречья» если можно так сказать. Это пригодится для богатыря.

...Там в облаках

перед народом...

* * *

Совсем недавно записано на рисунке: «В небесах торжественно и чудно». Не ночью это торжество, а днем девятнадцатого февраля 1967 года. Столько сияющей голубизны, что глазам больно. Стволы берез мерцают по-весеннему, а их верхушки в самом ядови-

Замечательной детской художнице Татьяне Алексеевне Мавриной исполняется в этом году 70 лет. Мы написали «детской», хотя Татьяна Алексеевна и живописец, и автор книги «Загорск» с собственными рисунками и текстом. Но известность ей прежде всего принесла многолетняя работа в детской книге. Графика Мавриной — это особый мир волшебной русской сказки, который создала талантливая художница, опиравшаяся на русское народное творчество. Коллектив редакции горячо поздравляет юбиляра — долгих Вам, плодотворных лет на Вашем прекрасном поприще, Татьяна Алексеевна.

том малиновом, как на полховмайдановских коробочках, грибах. Второй синий лес из теней лежит на снегу. Ультрамарин сгустился по оврагам. Заячий следы — туда, сюда, весь бугор испепляли. Один ли, много ли зайцев развелось, не угадаешь.

По такому пейзажу, пожалуй, и ступа с Бабою-Ягой, почуяв весну, пойдет, побредет сама собой наводить в лесу порядок. Пока это на Истре под Москвой, но может быть и «там», у «Лукоморья».

«Лукоморье», слово-то такое красивое! Можно прочитать, что оно из древних летописей: «лукоморские жители половцы...», «от Царьграда до Лукоморья 300 верст...», «тут поганые побегоша... в Лукоморье», «в Лукоморье горы...» и т. д. Есть оно и в былинах, и в сказках: «Учал Еруслан гулять по Лукоморью и стрелять по тихим заводям гусей-лебедей».

Далеко ли, поближе ли взял его Пушкин, но он сделал малоупотребимое слово родным, знакомым даже самым маленьким детям.

Где оно, Лукоморье? Мне думается, искать его надо не на каком-нибудь географическом море, а где-то на «синем море» сказок, «на море, на Окии-не (Окиян в сказках пишут с большой буквы и через «я». Сохраняю это правописание), на острове на Буяне». Это земля, что стоит на трех китах, может даже вся вселенная «наивной космографии» старинных книг.

Такое мне подходит. И есть в русских сказках даже ее символический образ — серебряное блюдечко, по нему катится наливное яблочко (или золотое яблочко), а на блюдечке и гор высота, и небес красота, и все чудеса поднебесные. На такой земле могут происходить и пушкинские чудеса: королевич Елисей разговаривать с солнцем и месяцем, золотая рыбка строить терема, царевна Лебедь делать все, что Гвидоновой душе угодно. Так я и нарисовала чудеса на сказочной земле-блюде — прямо и вверх ногами. Я немало читала об этом заветном острове Буяне. Наши предания насылают его и огненными змеями, и чудовищными птицами; иногда стоит там город каменный; хрустальный терем; лежит бел горюч камень-Алатырь; дубовая колода... на той на колоде, на той на дубине лежит какой-то неведомый Страх-Рах, семьдесят семь ветров, семьдесят семь вихорев; или стоит столб от земли до неба; наконец, там же и дуб. Царь-дуб. Сыр-дуб. Кряковатый, мокрецкий, вековой, первопосаженный, священный пеперунов дуб. А после всего этого торжественного баснословия, связанного с дубом, есть и другая чудная полуестественность из нижегородского фольклора:

На Родине дуб стоит,
На дубу сова сидит.
Сова та мне теща,
Воробушка шурин
Глазки прищурил.

И более знакомое:

Ай ду-ду, ай ду-ду!
Сидит ворон на дубу...

Я беру в свой рисунок дуба вместе с другими пушкинскими образами (наверное из-за нижегородского патриотизма) и сову. Ворона рисовать не буду, он коту конкурент и сам иногда сказки рассказывает: Ворон черный там сидит.

Утром он в трубу трубит.

Вечер сказки говорит.

У Лукоморья заповедный зеленый дуб Пушкина, по которому «златая цепь». Поэт не говорит даже — стоит дуб, надо думать он не только стоит, но и всегда стоял и долго еще будет стоять. Золотой цепью он прикован к земле — так запечатаны клады, если верить легендам про подкореные дуба, а у кота роль охранителя этих кладов; он часто бывает свиреп и страшен, в то же время и сказки говорит. Когда-то на Зевесовом дубу висело «золотое руно». Может, отсюда золотые звенья, кольца цепи?

Не знаю, так ли это или не так, во всяком случае не ошибусь, если закину цепь за облака, а ее концы спущу в землю, не ошибусь, если пущу кота ходить по звеньям этой цепи, а не посажу его на цепь, в ошейнике. На цепи лишь «собака урывается». Кот ходитвольно по цепи и днем, и ночью, «по утренним зорям и по вечерним, в полдень и заполдень, в полночь и заполночь, на ветхом месяце, и на молодине, и на перекрестье месяца, и по всякой день, и по всякой час, и по всякое время, и без времененье, и во исхожую пятницу».

Самые интересные сказки, наверное, кот говорит в эту, самую «исхожую пятницу» — про Лешего, Бабу-Ягу и прочую нечисть.

Про кота-баюна-бахаря в сказках рассказывают по-разному. Читаем у Афанасьева: «В некотором царстве кот — песни поет — унынье берет, голосом потянет — трава повянет...»

«Около мельницы (а около мельницы всегда невесть что)... кот-баюн поет и сказки сказывает, на 100 верст слышно».

«Кот-самоговор», он тебе про заднее и про переднее все расскажет». Добывает его Стрелец-молодец только хитростью, защищенный железным колпаком от его ярости.

А у Пушкина в черновой записи сказок можно прочесть (сказка вроде Салтана):

«...Говорит мачеха, вот что чудо: у моря Лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идет — сказки сказывает, вниз идет — песни поет...» Записано это в тетрадке, в Михайловском 1824—1825 гг., а на внутренней стороне переплета первый вариант стихов «Лукоморья».

Делаю такой длинный перечень всяких котов, чтобы яснее себе представить кота пушкинского. Он кот вещий, страшный, но Пушкину не враждебный.

«Идет направо — песнь заводит, налево — сказку говорит». Можно ли сказать короче и точнее? Это так же коротко и ясно как: «Жили-были дед да баба...»

Весь текст «Лукоморья» может уместиться на одной страничке, а образов хватит на целый том сказок. Как из этого сделать книжку? Как соединить текст с картинкой?

Это не сказка с коротким или длинным повествованием и не отдельно живущее стихотворение, а всего лишь пролог к поэме, хотя и написан спустя время. Именно поэтому, я сочла себя вправе из него сделать отдельную книжку, пленившись богатым содержанием, сказочной народной красотой. А короткие тексты Пушкина написать нарисованных лентах, как бы берестяных грамотах, адресованных сказочным персонажам пролога. В пушкинских строчках ищешь и находишь свое детство и свою лю-

бовь к народному искусству. Вот так шаг за шагом, из двери в дверь, из ворот в ворота, через подпольное бревно и дымное окно, сквозь дыру огородную и выйдешь в чистое поле, на свою тропу, шопросту говоря, — на белый лист бумаги, польстишь себя надеждой, что поняла замысел автора, и начнешь работать. Выйдет квас, не выйдет — кислые щи. Не знаю квас ли, щи ли получились — только в 1970 году книжка вышла в «Малыше», и я рада в печати поблагодарить издательство, товарищей, с которыми работала, за хорошее издание.

В. ВОЛКОВ

Иллюстрируется сказка

Мир образов русской народной сказки чист и светел. Поэтому каждый раз, когда художник обращается к роднику народного творчества, он словно соприкасается с «живой водой», и это соприкосновение ведет к обновлению, ясности, и главное — к непосредственности чувствования.

Наша детская книжная графика имеет великолепные примеры обращения художников к фольклору. Вл. Конашевич, Ю. Васнецов, Е. Рачев, Т. Маврина... Различен их изобразительный язык, но есть то, что позволяет говорить о них совокупно: отношение этих художников к фольклору проникнуто духом, присущим русскому народному искусству; каждый из них, достигнув высокой графической культуры, сумел дать свою трактовку русской сказки, обо-